

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

* * *

убогие ложа были
у нашей любви военной

клочок соломы
грубой дерюги

месяца лучик
чужих людей храп
измочаленных
как ломовые лошади

наши руки в разлуке
тому двадцать лет
вот откуда тот свет
на терновниках белых
на белке
прикрытого глаза

черный поезд
товарный прогромыхал
к горизонту

мелкие волны
на лужах воды
ветер морщинит

твое тепло сухое
ладоней хрупкие запястья
ты раскрываешь губы
я назад оглянулся

со стороны леса
к нам приближались
в развевающихся шинелях
солдаты

СТРАДАНИЕ

не верую
не верую от пробуждения
до забытья

не верю от берега до берега
моей жизни
не верую так же открыто
глубоко
как глубоко верила
моя мать

не верую
съедая хлеб
выпивая воду
лаская тело

не верую в храмах его
священным знакам

не верю на улицах города
в поле и в дождь
золотым
небесным посланцам

притчи его читаю
простые как колос пшеницы
и думаю о боге
который несмел

думаю я о слабом
истекающем кровью боге
в белых простынях детства

о страдании раздирающем
наши глаза губы
ныне
и в час смерти

СУМКА

я так долго искал
подходящий предмет
сравнение
с той минуты когда она вышла
протягивая ко мне руку
минуло полгода

ведь лицо этой старой дамы
закрытая сумка
из крокодиловой
кожи

сетка морщин
сбегающих к вискам
разбегающиеся
губы
подобны замку
два ряда зубов белых

открытая
вся
дамская
сумка из которой сыпятся
женские мелочи взгляды
жесты улыбки

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ

поэт говорит
одним языком
с ребенком
провокатором
священником
политиком
полицейским

ребенок смеется
провокатору мнятся намеки
политик обижен
священник напуган
полицейский
вытягивается во фронт

пристыженный поэт
просит прощения
и повторяет
снова
ту же ошибку

АКУТАГАВА

Акутагава
в течение десяти лет
достиг
такой прозрачности образов

что можно его сравнить
без сомнения
с птицей
поющей
на безлистном дереве

в сердце
холодного пейзажа

Акутагава
достиг
такой чистоты
языка
что пробился
сквозь барьер перевода

был столь совершенен
и прям
что затосковал по смерти
уснул навсегда
прожив
тридцать пять лет

действительность
которую видел
сквозь грязные стекла
приемных

увидел
лицом к лицу

слабый
отвернулся
от собственной слабости

на песках
моих слов
кто-то наметил знак
рыбы
и отошел

ЧАС КОРМЛЕНИЯ

Город всплывает
из дымов и туманов
толстое брюхо
затянутое неонами

гаснет

проститутки
с далекими мертвыми лицами
ходят
как заводные

голоса
случающихся
взрослых особей
они делают
деток
за ширмой

тигр бог запертый
в клетке железной
в ЦОО
жмурит желтые веки

еще не пришел
час кормления
час открытия

тигр бог дремлет
среди собственных
испражнений

КАПИТУЛЯЦИЯ

на всех
моих башнях снах
на словах
на молчании
развеваются белые флаги

на ненависти моей
на любви
на поэзии
развешаны белые флаги

на всех
пейзажах стенах
на прошлом
и будущем
я вывесил белые флаги

на лицах
на именах
на паденьях и взлетах
развеваются белые флаги

изо всех моих окон
свисают белые флаги

в каждой руке
держу я по белому флагу